

ИВАН ДЫШЛЕНКО

СЛАЖРЕЗ

www.stalker-lit.ucoz.com

Иван Дышленко

ОЛАКРЕЗ

*Посвящается моему отцу
Борису Ивановичу Дышленко*

Мне не нравился этот дом, и чем больше я на него смотрел, тем больше он мне не нравился. Но я дал промашку, неправильно рассчитал время, необходимое для того, чтобы добраться до бункера засветло, и теперь у меня было только два варианта - либо ночевать под открытым небом, либо воспользоваться гостеприимством этого дома.

Впрочем, я обманывал себя. Все полтора часа, что я пролежал в густой траве, рассматривая стены, крышу и окна бревенчатого строения в бинокль, я обманывал себя, будто у меня есть какой-то выбор. Я мог здесь пролежать до самых сумерек и, скорее всего, не увидел бы ничего, что могло подтвердить мои опасения. Дом просто мне не нравился. Без каких-либо объяснимых причин. Вот только ночевать мне все равно придется внутри, потому что спать в этом проклятом месте, не имея крыши над головой - безрассудство. Есть, конечно, в нашей среде экстремалы, но я среди них не числюсь.

Я поднялся на ноги, отряхнул прилипшие к одежде палые листья и сухую траву, потянулся, хрустнул мускулами и, подобрав с земли оружие, не спеша двинулся к дому. К счастью ли, к сожалению, но здесь, за периметром, можно было передвигаться не спеша, и только так. Лежа на земле, в густой траве и наблюдая за жизнью окружающего тебя мира, можно было понять о нем больше, чем могли узнать эти очкарики, ученые, сидящие в своих бункерах, вооружившиеся микроскопами и детекторами. И поэтому я полтора часа просто пролежал, а теперь без спешки и лишних движений подходил к дому.

Правильно, кстати, сделал, что не торопился. Это дало мне возможность понять, что же на самом деле в доме было не так. Оказалось, все очень просто. Здесь, не смотря на все эти "смертельные опасности", происходила настоящая квинтэссенция жизни. За периметром каждую минуту что-то случалось: то, визжа, промчится один из "новообращенных", преследуемый своими собственными страхами, то стадо кабанчиков подерется со сворой собак, то, вдруг, вороны, испуганные чем-то неведомым, вспорхнут с проводов и деревьев. Все это непрерывное движение сопровождается неясными шорохами, стонами и воплями, разносящимися на многие километры вокруг, дополненными далекими пулеметными очередями. В совокупности, это создает неповторимую атмосферу постоянного напряжения, борьбы, так знакомую каждому прожившему за периметром хотя бы год. Но, подходя к дому, я вдруг понял, что не ощущаю ее. В радиусе обозримого пространства я не видел ни одного живого существа и ни одного "отклонения". Одновременно с исчезновением живности, пропали и привычные слуху стоны и крики, рычание и протяжный вой. Нельзя сказать, чтобы звуков не было вообще - ветер в деревьях шумел, трава шуршала, звякали карабины на моем поясе и, довольно громко, бурчало в животе. Но это были нормальные, для жизни вне периметра, звуки, а тех звуков, которые сопровождают меня в походах, уже более трех лет, не было. И их не было на протяжении тех полутора часов, что я лежал в траве, разглядывая дом в бинокль и силясь понять, что же в нем не так.

Дом был одноэтажным, но сложной формы, с несколькими окнами, забранными плотными ставнями, через которые я, подходя к дому, пытался проникнуть взглядом, но не преуспел. Крыша двускатная, покрытая какой-то серой то ли плиткой, то ли черепицей. Сени заканчивались крылечком с навесом, такого же серенького цвета, как и крыша. В целом, дом не выглядел очень старым, словно кто-то построил его для себя уже после того, как все, что могло произойти, произошло, но он явно был заброшенным. Об этом могли рассказать и густая трава, поглотившая низ крыльца, и паутина на ставнях, и осколки кирпичей на крыше от потихоньку разваливающейся

печной трубы.

Я дважды обошел дом по кругу, пытаясь заглянуть в забранные ставнями окна, и, не обнаружив более ничего подозрительного, поднялся по крыльцу. Входная дверь была пригнана довольно плотно, с нее лохмотьями висела красно-коричневая краска, обнажая некогда зеленое исподнее. Я минуты две смотрел на дверную ручку прежде чем взяться за нее. Потом, решившись, осторожно коснулся шероховатой металлической поверхности. Ничего не произошло, и я, ухватившись покрепче, потянул дверь на себя, но она словно прикипела, и пришлось поднапрячься, чтобы ее открыть. Наконец, мне удалось это сделать и в нос пахнуло затхлостью. Я вошел в сени и, на всякий случай, прокричал:

- Есть кто-нибудь дома? - ответом мне была тишина.

Хорошо. Я закрыл за собой входную дверь и, оставив за ней начинающиеся сумерки, запер засов. В темноте нащупал дверь в горницу и толкнул ее, достал фонарик и, освещая себе дорогу, вошел в помещение. Вроде жив.

В комнате было совсем темно, ставни на окнах плотно закрыты снаружи, да и на улице стремительно темнело. Я поводил фонариком из стороны в сторону. Интересно, здесь есть электричество? Вряд ли. Хотя... Луч света выхватил пластмассовый выключатель на стене, я протянул руку и включил его. Под потолком комнаты вспыхнула люстра, заливая помещение уютным мягким светом. Теперь у меня не оставалось сомнений, что дом построен уже после всех зловещих событий. Источник электричества сразу бросился в глаза - висевший на противоположной стене конденсионный короб, с упрятым в нем ископаемым аккумулятором. Да, такие были разработаны лет семь назад, скорее всего, и дом строился в это же время. Остается неясным, почему жильцы покинули его.

Толстый слой пыли покрывал дощатый, крашеный коричневой краской пол. В углу справа стояла деревянная массивная кровать, такой же массивный, покрытый облезлым желтым лаком стол находился в противоположном углу. К столу были приставлены два стула, а рядом с кроватью, прижатый к стене, разместился буфет. На подоконниках окон, также покрытых пылью, ютились цветочные горшки.

Автомат я поставил в угол и, пройдя к кровати, на которой был даже матрас, сбросил с себя рюкзак. Затем провел поверхностный осмотр помещения и остался вполне доволен. В буфете я обнаружил посуду, правда, она мне без надобности, но на столе имелись даже солонка и перечница, с изрядно отсыревшим содержимым. Кровать была мягкая и удобная, а над кроватью на стене висела старая фотография. Ее появление здесь мне показалось довольно странным. На фотографии был изображен взрослый мужчина, одетый и причесанный в дореволюционном духе - гладкие черные волосы зачесаны на косо пробор и прилизаны, под носом черненькие усики-мерзавчики, а на кончике носа пенсне. Костюм и галстук соответствовали общему стилю фотографии. С учетом моего вывода о том, что дом построен современниками, присутствие здесь фотографии из прошлого, а то и позапрошлого века, мне казалось любопытным. Впрочем, жилец или жильцы дома вполне могли повесить портрет своего пращура. Я снял фотографию со стены и, перевернув, обнаружил подпись: "Коровин В.З. 1896 г. Тула". И печать: "Общество любителей фотографии города Тулы". Во как. Я повесил портрет на место.

А напротив буфета я обнаружил зеркало. Сначала, я подумал, что это какая-то картина, потому что зеркало было большое, в человеческий рост величиной, в роскошном багете, и покрыто таким слоем пыли, что разглядеть в нем что-либо не представлялось возможным. С другой стороны, картину подобных масштабов не

часто встретишь в "нормальных" городских квартирах, а уж ее появление в заброшенном в лесу доме и вовсе было невероятным. Но это была и не картина, а всего лишь зеркало. Что, впрочем, тоже было довольно странным. Я попытался припомнить, где бы я еще мог видеть зеркало таких размеров и в такой богатой раме, и не смог. Рукавом куртки я протер участок зеркала напротив лица и полюбовался на свой небритый подбородок. Показал отражению язык. Да, я мог и получше выглядеть для своих лет. Если бы мне приходило в голову носить с собой хотя бы маленькое зеркальце, то может быть и задумывался об этом чаще.

Очередное бурчание в желудке напомнило мне о наступлении времени ужина. Я покопался в рюкзаке и достал пластиковую, испещренную иероглифами баночку с саморазогревающейся лапшой. Вскрыл крышку и налил в баночку воды из фляги. Пластиковые стенки сразу нагрелись, воздух наполнился запахом мяса и пряностей, а рот слюной. Удивительно, но когда ты сыт, запах китайской лапши ничего кроме тошноты не вызывает, зато когда голоден, кажется, будто ничего вкуснее в жизни не ел. Воздав хвалы Господу Богу за то, что он не забыл придумать "узкоглазых", я приступил к трапезе, орудуя своим перочинным ножом вместо вилки и ложки одновременно. Сытый и в тепле я испытывал истинное наслаждение положением вещей. Я постелил спальный мешок на кровати, автомат поставил в изголовье и даже разделся, аккуратно сложив одежду на стул. Я даже зубы почистил бы, если бы было чем.

Фонарик и часы положил у стены рядом с подушкой, предварительно отметив время - 22:38, после чего шлепая босыми ногами по прохладному полу, погасил свет, и наощупь добравшись до кровати, с блаженной улыбкой растянулся на ней, наслаждаясь тишиной и покоем.

Сон, однако, не торопился. Я пролежал около четверти часа и совершенно не ощущал дремоты. Вот почему так всегда происходит? В какой-нибудь сырой берлоге, в бетонном бункере на холодном грязном полу, сидя на стуле в казарме, в конце концов, засыпается просто на ура. Особенно сладко спится тогда, когда спать ну никак нельзя. Или хотя бы не желательно. Очень здорово спится на лекции в институте, в армии на посту и в офисе на работе. Но стоит лечь в кровать, попасть в условия, когда спать можно, и все для этого есть, как сон чудесным образом уходит. И вместо того, чтобы заснуть, начинаешь вертеться в мягкой кровати, проклиная все эти простыни, подушки и одеяла. Если ты дома, то тогда, конечно, лучше всего выбраться из кровати на кухню, налить себе чайку или чего покрепче и, прихлебывая, погрузиться в перечитывание любимой книги. Другое дело, если ты в гостях. Я же не чувствовал себя ни дома, ни в гостях. У меня вообще было странное ощущение, что я уже давно заснул, и теперь во сне меня мучает бессонница.

Перевернувшись на другой бок, я прижался спиной к стене и лежал, уставившись в темноту распахнутыми глазами. В темноте я различил какое-то поблескивание. Я стал размышлять о том, что же это может быть. Я никогда не боялся темноты, даже в глубоком детстве, и у меня со временем появилась одна из любимых игр. Это когда родители укладывают тебя спать, а спать очень не хочется, но противиться воле старших ты не в состоянии. Ты не можешь, не имеешь права встать с кровати, зажечь свет и заняться каким-то интересным делом. И тогда я придумал игру - лежа в кровати пытаться угадать, что же там блесит в полумраке? Или, очертания какого предмета отбрасывают причудливую тень на стену?

Довольно увлекательно, если заняться нечем, а ноутбук отец забрал с собой в другую комнату, чтобы ты не играл тайком, накрывшись одеялом с головой.

Вот и сейчас, я заметил, как в темноте что-то блестит, и пытался угадать, что же это может быть. В конце концов, блеск этот стал меня пугать. Я вдруг осознал, что ни один луч света не проникает в комнату снаружи. И точно также нет ни одного источника света внутри комнаты. А значит, блестеть может только то, что обладает собственным светом, но ничего такого в комнате не было. Не выдержав, я нашарил рукой фонарик и, включив его, осветил в ту сторону. Луч света упал на зеркало. По странному стечению обстоятельств в круг, что я очистил от пыли, угодило отражение портрета, что висел над моей головой. Он смотрел на меня из этого круга, словно луна из облаков, и выражение его лица было зловещим. Или мне только это кажется? А еще, что-то там блестело на фотографии. Что?

Я приподнялся на локтях и, повернувшись, осветил на портрет фонариком. Нет, ничего не изменилось. Лицо как лицо, обычное. Пенсне на носу болтается с темным шнурочком. Я снова лег, светя фонариком на зеркало. Но теперь казалось, что лицо с фотографии, отраженной в зеркале, улыбается, самодовольно и гаденько. А еще казалось, что пенсне блестит в лучах света. Я помотал головой, стремясь отогнать наваждение. Портрет "улыбаться" перестал, все же, продолжая блестеть стеклышками пенсне. Да нет, скорее, просто луч от фонарика, отразившись от зеркала, падает на фотографию. И на фотографии в этом месте возникает блик. Я погасил фонарик. Стало темно, но тот самый "блик" почему-то остался. И тогда я испугался всерьез. Я снова включил фонарик. Портрет в зеркале откровенно ухмылялся. Вскочив с кровати, я стремительно направился к зеркалу, желая раз и навсегда разрешить загадку этой оптической иллюзии. По пути я бросил на "настоящий" портрет взгляд через плечо. Портрет был таким же, каким я его увидел в первый раз. Я подошел к зеркалу вплотную, светя на него фонариком и бросая взгляд то на портрет, то на зеркало, принялся сверять отражение с оригиналом. Тот портрет, что был в зеркале, по-прежнему ухмылялся. Хотя, может быть, мне это только казалось, потому что, когда я обращал внимание на уголки его губ, было видно, что они ни чем не отличаются от оригинала. Но стоило отрешиться от деталей, и сразу возникало ощущение, что портрет насмеяется надо мной и делает это все более и более явно, словно издеваясь над моими попытками понять причину такого его поведения. А пенсне, надо отметить, поблескивало в любом случае. Причем, было безразлично, под каким углом к зеркалу я направляю луч фонаря. Но, может быть, это всего лишь дефект самого стекла?

Я провел пальцами по поверхности зеркала. Она была обычной, холодной и гладкой. Тогда я решил просто перевернуть зеркало отражающей поверхностью к стене и более о нем не думать. Я положил фонарик на пол и понял, что не знаю, чем зеркало крепится к стене. Тогда я снова взял в руки фонарик и осветил зеркало по периметру, однако признаков крепления не обнаружил. Я попытался поддеть его за края. Сначала снизу, потом с боков, наконец, сверху - мои попытки были безуспешны. Отчаявшись, я ухватил зеркало за края рамы и, напрягая мускулы, силой попытался сорвать его со стены. Господь не обидел меня силушкой, и, уверяю, любое другое зеркало не то что от стены оторвалось бы, а просто... С теми усилиями, что я прилагал, я сломал бы, к чертям, любую раму! Это зеркало не сдвинулось ни на дюйм, а сволочной портрет еще и брови, похоже, приподнял, вроде, как издевательски восхищаясь моей мускулатурой. В бешенстве я схватил автомат и с размаху ударил ненавистное стекло прикладом...

Автомат целиком ушел в зеркало, вдобавок, я по локоть провалился правой

рукой вглубь него и завяз. Я чувствовал, что кто-то или что-то пытается засосать меня внутрь. В отчаянии я уперся левой рукой в позолоченную раму, ногами в пол и несколько раз сильно дернулся назад, пытаюсь вырваться. Но то, что меня тащило, было намного сильнее, я постепенно погружался, нет, я проваливался в черную яму, хотя мои мышцы и трещали от напряжения. Я уже провалился с головой, вокруг была чернота, и только прямоугольник зеркала оставался, словно врата в другой мир, и я цеплялся за него рукой из последних сил, и болтал в пустоте босыми ногами. Наконец, силы покинули меня, пальцы разжались, и я полетел в черноту, увлекаемый неведомым водоворотом...

Я вскочил на кровати, хватая ртом воздух. Сердце бешено колотилось. Твою мать! Это только сон! Всего лишь сон. Со стоном я рухнул обратно на кровать, силясь унять дрожь и сердцебиение. А я то дурак жаловался, что не заснуть никак. Лучше и вовсе не спать, чем спать так.

Намеренно задерживая дыхание, делая глубокие вдохи и выдохи, я привел себя в норму. Все еще боясь, я скосил глаза в сторону зеркала. Слава Богу, ничего там не блестело. Несмотря на пережитый кошмар, я чувствовал себя выспавшимся и бодрым. Я включил подсветку часов, чтобы посмотреть, который час. Часы показывали 22:40. Какого черта? Я же лег в 22:38. Я проспал всего две минуты? В комнате по-прежнему было темно, хоть глаз выколи. Но это ничего не значило. Если сейчас хотя бы около шести часов утра, то, во-первых, еще не до конца рассвело, во-вторых, окна плотно забраны ставнями, и свет сквозь них не проникает. Я попытался сверить часы с "общим" временем через сеть, но мой коммуникатор "не видел" сети. Более того, он не сумел даже мой собственный датчик обнаружить. Все ясно, коммуникатор, похоже, доживает последние дни. Ну и Бог с ним, давно пора было обновиться. Все-таки, по ощущениям, я проспал не меньше семи часов. Я где-то читал, что человеческий сон делится на фазы глубокого сна и быстрого сна. Именно в фазе быстрого сна мозг активизируется и порождает видения, называемые "снами". И раз я видел сон, то значит, никак не мог спать всего две минуты.

Так, рассуждая про себя на тему снов, я с фонариком в руке добрался до выключателя и зажег свет. И с облегчением вздохнул. Все было на месте. Автомат стоял у изголовья кровати, зеркало по-прежнему висело на стене. И портрет над кроватью никуда, конечно, не делся и совсем не усмехался. Но главное, что под ногами был твердый пол, над головой потолок, и стены по бокам. Ночной кошмар отступил.

Отступил? Тревога вновь кольнула сердце. Я огляделся, продолжая стоять у выключателя и силясь понять причину ее появления. Зеркало справа на стене, стол справа у окна, слева у стены кровать, рядом буфет, над кроватью портрет. Все на месте? Я поднял глаза на портрет и чуть не сел на пол. Не было пенсне. Стоп! Без паники! А может пенсне мне только приснилось? Может его не было вообще? Я принялся лихорадочно вспоминать, было ли оно, когда я только пришел в этот дом, или его не было уже тогда. Вроде было. А может мне только хотелось, чтобы оно было? Может с пенсне этот мужчина выглядит более внушительно? Стоп! Стоп! Стоп! Не сходи с ума. Надо выбираться отсюда, вот что. И чем быстрее, тем лучше.

Я кинулся к своим вещам, стараясь вообще не глядеть по сторонам, и торопливо оделся. Бросил фонарик и коммуникатор в рюкзак, натянул его на плечи

и, подхватив автомат, двинулся к выходу. По пути я все же не удержался и бросил взгляд на зеркало. Портрет!!! В отражении на носу мужчины красовалось пенсне! Я зажмурился, сжал зубы и помотал головой. Снова глянул в зеркало, но стало только хуже, потому что осознал, что в зеркале, в отражении, нет меня! Прочь отсюда, скорей! Я стремительно подошел к двери и, рванув ее за ручку, уже собирался шагнуть за порог, но в ужасе отпрянул и упал на задницу.

Я даже не помню, кричал ли я. Наверное, кричал. Наверное, кричал так, как никто и никогда на свете не кричал. Но я не слышал собственного крика. Как безумный, я вскочил на ноги и торопливо захлопнул дверь. Закрыл и в изнеможении привалился к ней спиной. За дверью не было ничего...

Что такое "ничего"? Его нельзя понюхать, лизнуть, потрогать. Его нельзя увидеть... Или все-таки можно?

Представьте себе, что получится, если из космоса, из всего его бесконечного пространства, убрать звезды, планеты, кометы, метеориты и другие небесные тела. Что останется? Ничего. Но оно материально, оно существует, его, при некоторой доле воображения, можно увидеть или представить себе. В него можно даже поместить что-то, а значит, имеется некое пространство, имеется размерность, пусть даже и бесконечная. А разве настоящее "ничего" может иметь размерность? Так вот, именно такое, материальное "ничего" и обнаружилось за дверью. Я едва не шагнул в пустоту и до ужаса, до седых волос перепугался, что она сейчас засосет меня, повторяя ночной кошмар, или я упаду вниз, выпадут из этой комнаты и буду падать вечность, пока не сойду с ума. И я знал, что это не сон.

В ужасе я стоял спиной к двери и вновь смотрел на небогатое убранство комнаты. Зеркало справа, кровать слева, стол справа, буфет слева. Все на месте? Нет! Нет, черт возьми, ни хрена не на месте! Я только сейчас догадался, что все это значит и в отчаянии опустился на пол. Когда я входил в дом, все было не так. Зеркало было слева. И стол тоже слева. А кровать и буфет - справа. А сейчас все стоит зеркально, все наоборот. А от зеркала к кровати ведет цепочка следов. Мои босые ноги оставили их в пыли. И ночной кошмар не был сном, точнее, был сном лишь наполовину. Я внутри! Внутри этого чертового зеркала, в этой комнате, что висит в пустоте, в черном бесконечном пространстве, соприкасаясь с реальным миром только прямоугольником зеркала, потому что зеркало не может воссоздать того, чего оно не видит, того, что находится за дверью и закрытыми окнами. Лишь только комната существует в этом зазеркалье, и я в ней.

Я вскочил на ноги, подбежал к зеркалу и забарабанил по нему кулаками.

- Выпусти!!! Выпусти меня, сволочь! Что я тебе сделал? - и сполз ладонями по стеклу, опускаясь на колени.

Какое-то время я сидел без движения и без единой мысли в голове. Вспышка ярости сменилась апатией. Впрочем, время не имеет значения там, где его нет. Где оно, по какой-то причине, не идет. Еще я заметил, что мне не хочется есть, пить, спать... И вообще ничего не хочется из обычных человеческих желаний. Но в этом как раз не было ничего удивительного. Откуда взяться голоду или жажде, если время остановилось?

- Почувствуй себя Алисой, - грустно усмехнулся я.

Сколько мне придется здесь провести? День? Два? Год? Сто лет? Нет, я сойду с ума раньше. Неужели отсюда нет выхода?

- Ну, что? - спросил я у портрета. - Может, расскажешь, как мне выбраться?

Портрет смотрел на меня настороженно, как на психа. Ну, да, какие еще чувства должен вызывать человек, беседующий с незнакомыми портретами. Да и со знакомыми, если честно, тоже. Я взглянул в зеркало - второй портрет был все такой же, как и в первый раз. Глядел сосредоточенно сквозь пенсне с черным шнурочком. Я перевел взгляд обратно, на "свой" портрет.

- Ну, а ты, мартышка, куда свои очки дел? Потерял? - всплеснул я руками. - Ай-ай-ай! Не порядок.

Я поднялся на ноги, подошел к кровати и снял портрет со стены.

- Знаешь, дружок, зря ты надо мной смеялся. Но я не злопамятный, - сказал я с недоброй усмешкой. - Напротив, я помогу тебе.

С этими словами, держа портрет в руке, я подошел к буфету. Где-то в его недрах я обнаружил вчера карандаши. Ну-ка. Я выдвинул ящик, боясь, что карандашей в нем не обнаружится, но они все же оказались на месте. Ага, значит в пределах комнаты, злополучное зеркало все же может воспроизводить предметы, которые не видит. Славно. Однако, когда я бросил очередной взгляд на зеркало, то увидел, что ящик буфета в реальном мире тоже оказался выдвинут, а карандаш, что несу я в руке, порхает по комнате повторяя движения своего отраженного собрата. Вместе с этим, снятый со стены портрет не оказал никакого воздействия на своего двойника в реальном мире.

- Интересно, - пробормотал я, глядя на дореволюционного мужчину. - А ты, оказывается, особенный.

Я положил портрет на стол. Ладно, мне терять все равно нечего. Что еще со мной можно сделать? Ничего. И твердым движением, не обращая внимания на гримасы портрета, нарисовал карандашом пенсне на его носу.

- Ну, вот. Очень тебе идет, - портрет словно бы скосил глаза, пытаюсь взглянуть на кончик своего носа, - Не видно? Смотри.

Я поднял портрет и поднес его к зеркалу.

- Теперь ты ничем не отличаешься от своего собрата.

С этими словами я сам посмотрел в зеркало и едва не выронил портрет из рук. В "отражении", конечно, никакого портрета у меня не было. Как я уже говорил, перемещения отраженного портрета никак не влияли на оригинал, и поэтому он по-прежнему висел на стене. Но зато в зеркале появился я! Да, совсем прозрачный, почти призрак, намек, но все же. Я поставил портрет на стол. Мне мерещится, или он смотрит на меня благодарным взглядом? Есть над чем подумать. Мне казалось, что еще чуть-чуть, и мне удастся выхватить край ниточки, потянув за который, можно, если не выбраться отсюда, то хотя бы сдвинуть дело с мертвой точки. Смутная догадка посетила меня. Точнее, даже не догадка, а так, предположение. Я внимательно осмотрел комнату, попутно сверяясь с отражением в зеркале, и заметил, что пенсне портрета оказалось не единственным отличием от реальной картины. Вот, например, в реальном мире у одного буфетного ящика не было ручки. Такое бывает, и довольно часто. Предметы, которые держатся не достаточно крепко, имеют свойство исчезать со своих мест. Но в отражении, в котором сейчас пребывал и я, ручка ящика была на месте. Что ж, возникшее предположение было не сложно проверить. Я подошел к буфету и подергал за ручку. Ящик был заперт и не поддавался. Тогда, я ухватился покрепче и дернул, что есть силы, на себя. Как я

уже говорил, господь не обидел меня силой, и ручка осталась зажатой у меня в кулаке. Боясь, что предположение не окажется верным, я повернулся к зеркалу. Есть! Моя тень в зеркале сделалась более отчетливой. Я не очень ясно представлял себе, что мне это дает, но это было уже хоть что-то.

Оставалось принять условия этой детской угадки - «Найди десять отличий», и я заметался по комнате внося правки. Было ясно, что точного соответствия реальному положению вещей не требовалось. Нарисованное пенсне вполне заменяло собой пенсне сфотографированное. Важен был смысл, а не образ. Комната в отражении была полна «особенных» вещей, положение которых никак не влияло на предметы-двойники в реальном мире. К ним относился и портрет, который я повесил обратно на стену, и тот ящик буфета, что был теперь без ручки. Именно в этих «особенных» предметах крылись те отличия, которые я должен был найти. Я довольно уверенно продвигался вперед в своем поиске, ведь теперь я знал подход. Подозрительный предмет нужно было сдвинуть со своего места и, если в реальном мире с ним не произошло никаких изменений - значит он «особенный» и в нем стоит поискать отличие. Так я обнаружил сломанную ножку кровати, и поправил ее, как сумел, расколотый цветочный горшок - я собрал его и перевязал бечевкой, чтобы он не рассыпался, одно из «лишних» стеклышек в дверце буфета пришлось убрать. Правильность своих действий я отмечал по зеркалу - моя тень неуклонно становилась плотнее, и я уже мог разглядеть щетину на подбородке и под носом.

Тяжелее всего пришлось с детским рисунком, который был засунут за дверцу буфета и просматривался через стекло. Я извлек его и отметил, что в зеркале он остался на своем месте. Как я не приглядывался, мне не удавалось разглядеть, что же на нем нарисовано в реальном мире - буфет был у противоположной стены. Я попробовал рисовать наугад, но из этого мало что вышло. Наконец, в голову мне пришла простая мысль - воспользоваться биноклем, и это помогло. На «моем» рисунке отсутствовала одна елочка, я дорисовал ее, в силу своего скромного таланта, но этого было вполне достаточно.

В зеркале я уже почти полностью проявился, но теперь я стоял посреди комнаты и не мог понять, к чему еще приложить свои руки. В сотый раз уже я обошел по кругу комнату, трогая и перемещая предметы, сверяясь с зеркалом и не находя ответа. И повторил все в сто первый. Я не знал, где и что еще нужно подправить и, наконец, обессилено опустился на стул.

Так просидел не знаю сколько времени, что-то тихо напевая себе под нос. Портрет смотрел на меня сочувственно.

- Ну, что, Уилсон? - вздохнул я. - Что еще-то? Намекни, будь добр.

Почему я назвал его «Уилсон»? Я пожал плечами. Вроде бы был такой старый фильм о том, как один молодой мужчина попал на необитаемый остров и все пять лет, что там провел, разговаривал с баскетбольным мячом, называя его «Уилсоном». Да, я действительно чувствовал себя словно тот парень, но мне повезло больше - мой собеседник не мяч, у него есть хотя бы человеческое лицо. Да, у него вроде и имя есть.

- Эй, как там тебя? Коровкин?

Нет, действительно, а как его зовут-то? Я встал со стула, подошел к кровати и снял со стены портрет. Перевернул тыльной стороной... Подписи не было. И печати какого-то там собрания фотографов тоже.

- Ну, спасибо тебе, Коровкин, - присел я на край кровати.

Похоже, что это было то самое недостающее звено. Вот только, что с ним теперь делать? Я довольно смутно помнил подпись на фотографии и не знал, как

мне теперь ее восстановить. Извинившись перед портретом, я положил его лицом вниз на стол, взял карандаш и, сев на стул, приготовился писать. Начало фамилии совершенно точно начиналось на «Коров». Я написал эти буквы, одновременно отмечая, что в зеркале мое отражение еще больше уплотнилось. Теперь, если он «Коровкин», то... Я дописал остальные буквы, но мое отражение напротив, сделалось более прозрачным. Значит, я ошибся. Я стал перебирать все возможные «коровьи» фамилии. Наконец, я вспомнил - «Коровин», самый простой вариант. Сложнее было с именем-отчеством. Но я помнил, что отчество на букву «З». Интересно, какое на самом деле? Захарьевич? Зиновьевич? Да, не важно. Имя пришлось подбирать по буквам, начиная с «А». К счастью, судя по отражению, на букве «В» отбор закончился. Итак, получается «Коровкин В.З». Что еще? Год? Точно! Потом, стоял год. Я запомнил, что это конец 19-го века, то есть 18xx какой-то там год. Это существенно сужало варианты, и вскоре, простым перебором, год тоже был восстановлен. Я также запомнил, что был указан и город - Тула. Тулу запомнить не сложно, этот город славится пряниками, самоварами и оружием. Город я тоже вписал. Оставалось разобраться с обществом фотографов. На оригинале стояла печать, но у меня печати не было. Тем не менее, я не отчаивался. Уж если нарисованного пенсне хватило, то и вместо печати должно хватить простой надписи. Я точно запомнил слово «Общество» и я его написал. А потом крепко задумался, что же было написано дальше. Ведь что-то простое, незамысловатое. И я начал пробовать одно название за другим, все, на что была способна моя фантазия. Я придумывал и писал, и снова стирал. Из под моего "пера" выходили такие диковинные названия, как «Общество-союз фотографистов» и «Фотографистическое общество Туляков». Наконец, обессилев, я прилег отдохнуть. Нет, я ни капли не устал физически, но морально я выбился из сил. Кажется, я провалился в беспамятство. А когда очнулся отдохнувшим, простые слова «Общество любителей фотографии» пришли в голову сами собой. Я укорял себя, что не догадался сразу. Ведь в те годы и жизнь была проще (не легче, но проще), и люди тоже были проще, и не выдумывали сложных названий.

Я взял карандаш и написал прямо под фамилией Коровина: «Общество любителей фотографии». И замер, выжидательно глядя в зеркало. В зеркале отражался я, как был. И ничего более не происходило. Сердце кольнула игла отчаяния, но тут же я вспомнил, что это еще не все. Я наклонился над портретом и приписал в конце: «...города Тула»...

Портрет вырвался у меня из рук и, перелетев через комнату, "прилип" к стене. Пенсне, уже «нормальное», а не нарисованное, красовалось на его носу. Одновременно в комнате происходили другие изменения - «сросся» расколотый горшок, выпрямилась ножка у кровати, обломки ручки, которую я оторвал от буфета и положил на стол, рассыпались в прах. На все это понадобилось не более нескольких секунд, а потом я понял - все закончилось. Я стоял и смотрел на свое отражение, а в комнате уже все было по другому. Кровать справа, стол слева - все на месте.

Я тихонько надел рюкзак, подобрал автомат и подошел к двери. Осторожно потянув за ручку, я открыл ее, и на меня пахнуло прохладной сыростью осени. Выйдя из комнаты, я постоял немного в сенях и также осторожно открыл входную дверь. В лесу стояла ночь, шелестел ветер, пели кузнечики. Я вернулся. Вернулся!

Я бежал сломя голову, мечтая только подальше убраться от этого проклятого дома, бежал, пока не запищал детектор, предупреждая, что я сейчас влипну в какое-то локальное "возмущение". Я остановился и повалился в траву, переводя дух. Взглянул на часы - они показывали 22.45. Время снова пошло. Я отыскал какую-то канаву, спрятавшись в ней, забрался в спальный мешок и спал до самого рассвета.

С тех пор я стараюсь спать только под открытым небом. Друзья считают меня чокнутым, некоторые - экстремалом. Но ведь они не знают. А я знаю...

*Санкт-Петербург
21 сентября 2009 г.*

